

БЕРНС В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

1

Роберт Бернс (1759—1796), подлинно народный поэт Шотландии XVIII в., «крестьянин с душой подобной Эоловой арфе», по известному выражению Карлейля, высоко ценившийся Байроном, Гете, Гейне, К. Марксом, к сожалению, недостаточно известен у нас, несмотря на то, что его переводили неоднократно и с давних пор. Огромное большинство этих переводов на протяжении многих десятилетий искажало его творческий облик; Бернс чаще всего представляли у нас сентименталистом, идиотиком, забывая или не упоминая о многих его произведениях, насыщенных социальной тематикой, пафосом борьбы и протеста. С другой стороны, теснейшая связь между творчеством Бернса и шотландским фольклором, в особенности народной песни, которой он сам сплошь обязан, из которой он вырос как художник, вскрыта у нас неохотно, а переводчиками понятия порою и вовсе неверно. Конечно, это происходило в значительной степени и потому, что переводить Бернса во многих отношениях значительно труднее, чем каких-либо других поэтов.

В творческом его наследии мы найдем и огромное разнообразие размеров, и чрезвычайно смелое обращение с рифмой, и богатство ассонансов, и своеобразие самой ритмической ткани песни, зачастую совершенно не похожей на песни русских поэтов, специфичность, наконец, самого языка. Все эти особенности поэзии Бернса предъявляют к переводчику обязательство не только достоянного понимания шотландского диалекта, но и известной творческой смелости, вместе с максимумом чуткости к сохранению всех своеобразных особенностей его творческой манеры.

Т. Гендерсон пишет про песни Бернса, что «значительная часть их особой прелести заключается в их искренности и простоте, отличающих произведения народного творчества; чудесное искусство Бернса проявляется в том, что он сохраняет обаяние древности, но обогащает каждую песню своей собственной яркой индивидуальностью».¹ Однако эта простота отнюдь не является следствием бедности художественных средств или наивности поэта. Бернс сложный и опытный мастер. Он тщательно отделяет каждую

¹ „Cambridge History of English Literature“, vol. XI, p. 228.

строку своего стихотворения, следит за гибкостью и выразительностью речи, ясностью и четкостью мысли, добивается предельной полноты, отчетливости мысли, художественной простоты. Отличная своего читателя, Бернс полагает, что простота в песне необходимая характеристика для ее привлекательности.

Песни Бернса затрагивают много тем — дружба, любовь, разлука, сватовство, полевая работа, отдых, нужда и горе. Каждый стихотворец своих песен Бернс поет о жизни знакомого ему народа, о его счастье и горестях, о его радостях, склонностях и порывах. «Любовь, веселость, безрассудство, патриотизм, хвастовство не зависят от абсолютной искренности; это — крестьянское в глазах самого крестьянина», — пишет о Бернсе Дэвид Дэйчер.¹ «Его песни, — говорит о Бернсе Карлейль, — составляют уже часть родного языка не только Шотландии, но и Англии и целого миллиона людей, говорящих во всех концах земли на английском языке».²

Интересен и самый словарь шотландского поэта. Автор одной из новейших монографий о Бернсе, проф. Снайдер, подчеркивает сложность состава этого словаря. «Здесь можно найти элементы обычного литературно-английского языка, ряд общих языковых моментов с языком Северной Англии и Нижней Шотландии, немало чисто народных местных выражений и терминов». Весь этот, сложный по различию и разнохарактерности своих элементов язык словаря Бернса, по мнению Снайдера, «никогда не употреблялся в целом его виде, но создан поэтом для его личных творческих целей. Можно было бы установить, как Бернс экспериментирует с элементами шотландского языка в этом словаре, иной раз добавляя кое-что от простонародного языка, чтобы сделать поэму более доступной для следующего издания, иной раз для того, чтобы достичь образного».³

«Я знаю также, — пишет далее проф. Снайдер, — что многие слова, употребляемые Бернсом в его прозе, никогда не употреблялись в стихотворных произведениях. Поэтому, если проанализировать его прозаический и стихотворный тексты, количество слов достигло бы цифры — 12 500. Конечно, это исключительно огромное слово, который может идти в сравнение лишь со словарем Милтона (13 000 слов) и Шекспира (24 000 слов)».

Бернс ввел в английскую поэзию мотивы реального сельского быта. В его лице мы должны признать первого по времени поэта крестьянского труда и быта, неизмеримо дальше ушедшего от своих, высоко ценимых им, предшественников — А. Рамзея и Р. Фергюсона.

С мастерством большого художника, реалистически ярко, рисует поэт быт трудящегося крестьянина. Рождение и смерть, сватовство

¹ David Daicher, Literature and Society, London 1938, p. 177.

² Томас Карлейль, Исторические и критические опыты, М. 1878, стр. 366.

³ Snyder, Robert Burns. His Personality, Reputation and Art, London, 1936, p. 83.

и женитьба, любовь и ненависть, отдых и работа, песни и пляски, обывачи и предрассудки, горе и радость человека — все это нашло свое красочное изображение в поэзии Бернса. И как подлинный реалист, поэт слагает не одни лишь веселые песни, у него есть и иные — печальные, но и сама печаль песен — жизнеутверждающая и мужественная. Он не боится невзгод и трудностей, потому что на его стороне — сила подлинного творчества, труда, потому наконец, что радость — постоянный и верный спутник его жизни. Бернс — эпитимист.

Поэзия Бернса — плоть от плоти и кость от кости шотландской народной поэзии. Именно здесь, в старошотландских балладах, в песнях, полных красок, живописи и чувства, зарождается творчество Бернса. Именно из этого источника черпает поэт вдохновение. Песня, рожденная самим народом, в руках мастера приобретает особую прелесть, чарующую силу.

Стихотворная лирика Бернса — самобытны и национальны. Весь суровый колорит шотландской природы, запахи трав и полей, шум низвергающей хся горных рек и водопадов, пенные малиновки и жаворонка — нашло свое яркое живое отображение в песнях Бернса. «Мое сердце в горах», — так говорил поэт в стихотворении,носящем это же название, и эти строки могли бы быть взяты эпиграфом ко всему его творчеству.

Народная поэзия близка к природе. Бернс любит природу, тонко понимает ее, чутко слышит ее голоса. В изображении ее Бернс чужд аффектации и приторной сентиментальности («К полевой мыши», «К маргаритке», «Веселый пахарь»).

Бернс любит свои песни. Часто, уставая за плугом, бедная муза поэта, по его словам, «грустно просит, чтобы он не писал потому, что она очень уж утомлена, ноги у нее еле двигаются после дня, проведенного в разбрасывании семян по бороздам или задавании корма лошадям». И когда она говорит ему: «Ведь ты знаешь, что мы целый месяц и больше того были так сильно заняты, что, право, голова у меня совсем ошеломлена», Роберт не слушает ее, потому что песни — «его сокровище, его главное, почти единственное наслаждение — дома, в поле, за работой, на досуге».

Верный сын своего народа, его талантливый представитель, Бернс разделяет его горе, все его радости. Всей силой своего творчества, всей страстью своего таланта гневно обрушивается он на его врагов, какую бы мантию или одежду они ни носили. Он издевается над аристократией, готовый видеть в крестьянине-бедняке вьючного скота, он заявляет во всеуслышание, что титулы и ранги не стоят ломаного гроша:

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее
При всем при том,
При всем при том
Пускай бедны мы с вами.
Богатство —

Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

(„Честная бедность“, пер. С. Маршака.)

Поэт ненавидит лендлордов и богачей, он отвергает установленные ими социальные принципы, тот общественный порядок, при котором бедняк, массы порабощены. Всей силой своего таланта бросает он вызов сильному миру, доказывая, что любовью бродяга и нищий выше и честнее богача.

Ханжу, лицемера и труса Бернс не щадит никогда. Его сатирические поэмы («Две собаки», «Благочестивая ярмарка», «Молитва святого Билли» и др.) — это блестящие нападки на роскошь имущих классов, ханжество и лицемерие.

Всеми своими балладами, каждой строкой своих песен поэт доказывает, что религиозный фанатизм выродился только в духовенство, народ же обойдется и без приспосудней. В этом отношении очень показательна знаменитая сатирическая поэма «Тэм О'Шентер». Нет ни одного грамотного шотландца, который не знал бы этого стихотворения, у многих на столиках красуются статуэтки Тэма и его Мэг. Байрон назвал это произведение *Opus magnum* Бернса, а В. Скотт полагал, что Бернс дал здесь блестящее доказательство своего умения соединять комическое с ужасным.

Бернс высоко расценивает самое звание человека. Он мечтает о таком общественном строе, при котором слово «человек» будет звучать гордо. Его идеал — независимая и свободная личность, не склоняющая головы ни перед кем.

Господином я не был ничим —
И не буду рабом никому;
И с мечом благородным моим
Я не дам себя бить никому, —

воскликает он в стихотворении: «У меня есть жена» (пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Как впоследствии Байрон, Бернс говорит в своих песнях о свободе, мечтает о национальной независимости угнетенного шотландского народа. Он остро переживает тяжелое бремя английского владычества. Голос его звучит гневно и страстно, когда он с горечью говорит о Шотландии — «провинции Англии гордой». Он негодует, обещая до смерти своей твердить о том, что жжет ему сердце:

Нас сдали за плату
английскому злату...

Чувство национальной гордости, любви к родине, к своему народу особенно ярко выражено в большом стихотворении Бернса «Субботный вечер поселенца».

Бернс восторженно приветствовал буржуазную революцию 1789 г. во Франции, сразу же став на защиту ее идей, видя в ней осуществление своих заветных стремлений, пробуждение масс в их борьбе с аристократией и духовенством.

Ему по духу идеи «свободы, братства и равенства», начертанные на знаменах революции, ему по духу самый смысл революционной борьбы, протест против насильников и угнетателей. Всей силой своего сердца, всей страстью своего таланта Бернс целиком и безраздельно принадлежит революции. Приветствуя Французскую революцию, видя в ней залог революционного освобождения других народов, Бернс, акционный чиновник по своему служебному положению, на конфискованном при его же посредстве контрабандном судне, покупая четыре пушки и отсылает их в Парижский Конвент, сопровождая послышку письмом, в котором просит принять этот дар, как знак его удивления и уважения.

Высокую оценку песне Бернса дал Т. Карлейль: «В песнях Бернса, полагаем мы, заключается преимущественно его значение и влияние как писателя, а это влияние, если афоризм Флетчера справедлив, немаловажно. «Дайте мне написать народные песни, — говорят он, — и вы по ним составите законы для народа». И действительно, если кого-либо из поэтов можно поставить в этом отношении рядом с законодателями, так это Бернса. Его песни составляют уже часть родного языка не только Шотландии, но и Англии и целого миллиона людей, говорящих во всех концах земли на английском языке. Как в хижине, так и во дворце, всюду, где только сердце умеет страдать или радоваться, звуки Бернса находят сочувствие. Спрого говоря, ни один англичанин не волновал так глубоко мысли и чувства многих людей, как этот одинокий, псевдонимом, скромный человек». ¹ В английской поэзии, скванной условностями классической школы, Бернс явился предшественником В. Скотта и Томаса Мура, Вордсворта, Байрона и Шелли.

Огромное большинство существующих русских переводов произведений Бернса либо не было точным, либо, будучи близким к подлиннику по содержанию, не передавало всего творческого своеобразия жизнерадостной, веселой, глубоко-оптимистической поэзии Бернса.

Первые русские переводы из Бернса появляются уже в самом начале прошлого столетия. Так, в московском журнале «Иппокрена», ² т. е. уже спустя четыре года после смерти шотландского поэта, наряду с переводами отдельных произведений английских писателей XVIII в. (Поп, Стерн и др.), помещено в прозаическом переводе и стихотворение Р. Бернса «В честь Томсона», ³ в котором прославляется автор знаменитых «Времен года» (1726—1730). Вот этот, повидимому, первый русский перевод из Бернса:

„Доколе девственная весна при Эдемских токах разверзает нежную свою зеленую мантию, или украшает дерны в своенравном вкусе, или возглашает эолические песни;

¹ Т. Карлейль, Исторические и критические опыты, М. 1878, стр. 366.

² „Иппокрена или утехы лиобловия“ на 1800 г., ч. 7, стр. 15.

³ Английский подлинник называется „Address to the Shade of Thomson“, это стихотворение написано Бернсом по случайному поводу. Сам Бернс не придает ему большого значения.

«Доколе лето с матерною благодатью удаляется в прохладные тени Драй-бурга, хотя не редко красуясь, забывает достигнуть зрелости в колосистых нивах и прозябаниях;

«Доколе осень,

щедрая благодетельница, вносит старейшую главу свою благостыню;

«Доколе беснующаяся зима свирепствует на тех холмах, откуда нистекая пустынный Ярров возбуждает рев в водомутных протоках или проторгает дикую лютую снегов;

«Доколе — о любезный Слакопеец года! — будет процветать тот лавр, который ты приобрел себе; а между тем Шотландия с радостными слезами будет проповедывать, что Томсон был ее сын».

Следует сказать, что этот перевод не отражает подлинного содержания поэзии Бернса и что самое появление этого случайного стихотворения в журнале 1800 г. следует объяснить лишь большой популярностью в России конца XVIII в. Дж. Томсона, в честь которого оно написано.

Лишь тридцать лет спустя русский читатель получил возможность несколько ознакомиться с творчеством и личностью Бернса по «вольным» стихотворным переводам И. И. Козлова.¹ Слепой певец, много переводивший английских писателей, Байрона, В. Скотта, Т. Мура, перевел также два произведения Бернса, на этот раз весьма типичные для его творческого облика: «Сельский субботний вечер в Шотландии» и «К полевой маргаритке, которую Роберт Бернс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786 года».

Автор этого «вольного подражания Р. Бернсу» сопроводил перевод поэмы своим стихотворным «посвящением» А. А. Восойдой — «Светлане» (в это время уже умершей) и заключил его двумя очень интимно автобиографическими строфами, в которых сквозит, однако, и его искреннее увлечение шотландским поэтом.

Так сельский бард своих родных полей
Оставил нам семейное преданье...

О как певцу Шотландия мила!

Переводы Козлова вскоре же явились предметом критического суждения. Так, в «Московском Телеграфе»² Н. А. Полевого появилась пространная рецензия на них.

«Имя Бернса доселе было неизвестно в нашей литературе, — говорит здесь. — Козлов первый знакомит русскую публику с самим Н. А. Полевым» не вполне удовлетворен рецензией (повидимому Козлову утрек за то, что он, кажется, «почел Бернса простым крестьянином, который между прочим напевает на поэтической свирелке. Это почитаем мы главной ошибкой русского перевода,

¹ «Сельский субботний вечер в Шотландии», Вольное подражание Р. Бернсу И. Козлова, СПб. 1829.

² «Московский Телеграф» 1829, часть 28, стр. 206.

ибо он напоминает нам не пламенного певца Шотландии, сгоревшего в огне страстей, а простого поселенина, очень мило расказывавшего о своем сельском быте. Не поняв характера Бернса, Козлов представил его нам в превратном виде».

Этот отзыв очень интересен, если вдуматься в его настоящий смысл. Критик подчеркивает, что для того, чтобы надлежащим образом судить о переводе Козлова, нужно вспомнить, что «Бернс был поэт возвышенный, пламенный», что «сила гения находится в нем самом, а не в почетном блеске, окружающем его вещественность». Эти слова, очевидно, нужно понимать в том смысле, что в переводах Козлова Бернс представлен очень односторонне, что, будучи близок к литературной школе сентименталиста В. А. Жуковского, Козлов показал в своих переводах не подлинного Бернса — страстного бунтаря и поклонника буржуазной революции во Франции, но всего лишь поэта сентименталиста, автора обычной крестьянской идиллии. По цензурным условиям, критик, очевидно, не мог явнее высказать свою мысль; впрочем, для тех его читателей, которые знали Бернса в подлинниках или даже в западноевропейских переводах, он говорил достаточно прозрачно.

Появление подобной рецензии в журнале, неоднократно появшемся в «якобинстве», все время преследовавшемся цензурой и в конце концов закрытом за «вольный дух», не случайно. По нашему мнению, оно представляло собою прямую борьбу за подлинного Бернса, — автора таких социальнотосущных произведений, как «Fog a' that, Fog a' that» («Прежде всего, прежде всего»), «The Vision» («Видение»), «The Tree of Liberty» («Древо свободы») и других. Возможно, что они уже тогда были известны критике, но перевода их не скоро дождалась русская литература, а иных не дождалась еще и донны.

Однако, автор рецензии в «Московском Телеграфе» не вполне был удовлетворен переводом И. Козлова и с формальной стороны. Выписав первую строфу «Сельского субботнего вечера», —

Ноябрь шумит; в полях метель и вьюга;
Ненастный день стал меркнуть за горой,
Уж отпряжен усталый бык от плуга
И весь в пыли он тащится домой, и т. д.

критик замечает: «стихи гладки, но по прочтении их ничего не остается в душе. Читателя поражает только несообразность: каким образом в ноябре, когда в полях метель и вьюга, — бык в пыли? Это произошло оттого, что переводчик не близко держался подлинника, где не только нет сей нецелесообразности, но напротив, в целой строфе блещет высокая, пламенная поэзия». Для доказательства следует процитировать, дословный перевод этой строфы. Это лишний раз убеждает нас в том, что критик держал в своих руках томик подлинного Бернса, и что он достаточно ясно представлял себе его творческий облик. Тем не менее переводы И. И. Козлова все же явились первыми русскими стихотворными перево-

дами из Бернса и сыграли значительную роль в деле популяризации в России шотландского поэта.¹

В 30-х годах имя Бернса начинает все чаще и чаще появляться в русской периодической печати, главным образом, как имя талантливого певца природы. С «Бюрнсом» знакомит своих читателей «Телескоп»,² помещая перепечатку статьи из «Dublin University Magazine», в которой дана его подробная характеристика. Статью о Бернсе с некоторыми биографическими и даже библиографическими данными находим мы в русском «Энциклопедическом лексиконе» (1836).³ Наконец, в 1837 г. в «Библиотеке для чтения»⁴ появляется большая статья «Роберт Борнс», содержащая также и любопытные переводы. «Муза Борнса», — говорится в этой статье, — настоящая деревенская муза. Она живет под соломенной кровлей, встает с солнцем, сама запрягает волов в плуг, орошает пашню своим потом, ест овсяный хлеб, не откажется завернуть подчас и в кабаке, чаще говорит о маке, чем о тольпанах, о лужах, чем об озерах, об утках, чем о людях, и любит только в деревне: может быть поэтому юна так и непостоянна». Автор статьи полагает, что «вслед за именем всеобъемлющего Шекспира можно поставить имя Борнса, как поэта наиболее одаренного природой», сравнивает его с Лафонтеном.⁵

В статье подробно приводятся содержание стихотворений «Видение» («The Vision»), «Субботний вечер поселянина» («The Cotter's Saturday Night») в сравнении со стихотворением предшественника Бернса Фергюсона «Очаг поселянина» («Farrer's Ingle»), «Две собаки» («The two dogs»), кроме того, кратко упомянуто много других произведений Бернса.⁶

Автор статьи (повидимому О. И. Сенковский) поместил здесь также в своем полном переводе знаменитую балладу Бернса «John Barleycorn», назвав ее «Иван Ерофеич Хлебное Зернышко». John Barleycorn (Джон Ячменное Зерно) — знаменитое и очень типичное для всего творчества произведение Бернса. Бернс заново пере-

¹ О Козлове, как первом русском популяризаторе Бернса, не раз вспоминала и последующая критика. Так, в статье о Козлове в «Библиотеке для чтения» (1855, ч. XXXIV, отд. V, стр. 10) писали, что «иной любитель фантастического мог сказать не без основания, что души В. Скотта, Бернса... по известным часам слетали к бедному труженнику и держали беседу около его постели... Для Козлова и В. Скотта, и Бернс, и другие поэты были не только поэтами, но и людьми; одних он любил с особенной нежностью, к другим питал трепетное благоговение».

² «Телескоп» 1834, ч. 21, стр. 81—83: «Движение литературы в Англии с начала XIX в.».

³ Энциклопедический лексикон, т. VI (СПб. 1836), стр. 387—388.

⁴ Библиотека для чтения 1837, т. XXIV, отд. V, стр. 96—136.

В 1824 г. статья «Роберт Бернс и лорд Байрон» появляется в «Отечественных записках», т. XXIII, № 8, стр. 30—34.

⁵ «Библ. для чтения» 1837, т. XXIV, отд. 5, стр. 126.

⁶ В статье упомянуты: A Winter Night, To Ruin, The Despondency, Holy Willie's Prayer, Kirk Alarm, To a Mouse, The Death and Doctor Hornbook, Address to De'il, The Jolly Beggars, Learning, Soldier's return, Logan Water, Bonny John, Highland Mary, Mary in Heaven, John Anderson, my Jo.

создал здесь песенку, как полагают — английского происхождения,¹ превратил ее в балладу совершенно народного стиля, рассказывающую о судьбах ячменного зерна, его смерти и возрождении на весеннем поле, затем вторичной смерти под жерновами мельника и нового воскресения в веселящем и пьяном напитке. С огромным мастерством, яркостью художественного изображения последовательно рисует Бернс процессы труда, связанные с возращиванием ячменя и последующей его обработкой, воспроизводя в своей балладе миф о смерти и воскресении Джона.

Желая передать народность шотландской баллады, переводчик использовал для своих целей многое из того, что специфически характерно для стиля русской былины.

Были три царя на Востоке,
Три царя сильных и великих,
Поклялись они, бусурманы,
Известь Ивана Ерофеича Хлебное Зернышко.
И вырыли они глубокую борозду, да сбросили его в нее,
И навалили земли на его головушку;
И клялись они, бусурманы,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное Зернышко.

Джон превратился здесь в типичного русского былинного богатыря («Иван Ерофеич был славный богатырь»), с русским обильем, русской внешностью и даже с русским именем. И борется он с «нехристями-бусурманами» — тремя царями окаянными как в русском эпосе. Той же цели руссификации шотландского подлинника служат отсутствующие в подлиннике и не характерные для баллады строга постоянные эпитеты («окайные нехристы», «светлая веснушка», «меч кривой и острый»), былинные окончания («головушка», «солнышко», «веснушка»), вмешательство «злой колдуньи» — осени и т. д.

Автор этого перевода правильно почувствовал тесную связь бернского John Barleycorn'a с народным творчеством,² хотя

¹ Один из вариантов ее, по указанию Чемберса, напечатал уже после смерти Бернса Robert Jamieson в его «Ballads» (1806).

² М. П. Алексеев указал мне, что баллада John Barleycorn корнями своими восходит к старой средневековой традиции. В средние века на всем греко-славянском и романо-германском Западе распространен был пародирующий житие святого сюжет о «Мартинусе св. Вакха» — или житие de Saint Ralsin (Святого Винограда); в старославянской письменности также известно было «Мучение блаженного Гроздия», для которого найден был и византийский оригинал (См. А. Н. Веселовский Ж. М. Н. П. 1877, ч. СХСІ, стр. 96; «Russische Revue» 1878, Bd. XIII, S. 150—152 и в «Истории словесности» А. Галахова, изд. 2-ое, СПб. 1880, т. I, стр. 481). Все эти «мучения» тематически очень сходны с балладой Бернса, хотя последние не на книжной основе. Не раз отмечали также, что в «John Barleycorn» Бернс излагает, в сущности, один из древнейших мифов, связанных с земледельческим культом, в центре которого стоит страдающее божество. В разные века и у различных народов божество это называлось по-разному: Джефри Ньюболт усматривал в балладе Бернса «сущность великой мистерии, объединявшей последователей Ксиутеулки, Алониса-Гора, Митры с пострадавшим божеством» («Русские Записки» 1916, № 3, стр. 176—178).

эстетически ошибочно стилизовал свой перевод на былинный «сказовый» лад.

М. Ю. Лермонтов прекрасно переводит четверостишие Бернса из стихотворения «Прощальная песнь к Кларинде», «A1 Fond Kiss», о котором Вальтер Скотт говорил, что оно «заклучает в себе сущность целой тысячи любовных историй».

Вот эти строки у Лермонтова и Бернса:

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданием бы не знались.

Had we never loved sae kindly,
Had we never loved sae blindly,
Never met — or never parted,<
We had ne'er been broken-hearted.

Однако, отметивший настоящее совпадение Н. Н. Бахтин¹ замечает: «нельзя сделать вывода, что Лермонтов знал Бернса. Эти четыре строчки из Бернса Байрон взял эпиграфом для своей «Абидосской невесты», отсюда-то Лермонтов и перевел свое четверостишие».

Прошло около двух десятилетий. Центральным вопросом времени явился вопрос о крестьянстве; тяжелое приниженное положение русского крестьянина, производ, массовые крестьянские волнения, наконец, сама «освободительная» реформа 1861 г. — все это не могло не привлечь исключительного внимания литературы к «крестьянскому вопросу». Творчество «крестьянского поэта» Шотландии — поэта-демократа, создателя «Честной бедности» и других столь же сильных по своей идеологической устремленности произведений, не могло не заинтересовать передовые круги русских литераторов. Все отчетливее и значительнее становился голос революционно-демократической интеллигенции, все ошутительнее и весомее публицистическая деятельность разночинцев-демократов, и наряду с поэзией Некрасова, прозой Добролюбова появляются стихотворения и переводы поэта-революционера М. Л. Михайлова (1829—1865) и горячего последователя Чернышевского — В. С. Курочкина (1831—1875). И тот и другой, являясь прекрасными переводчиками своего времени, не случайно обращают свое внимание на поэзию лучших носителей народных традиций — Бернса и Беранже. К сожалению, и Михайлов и Курочкин перевели весьма небольшое количество стихов Бернса.²

Что их интерес к Бернсу не был случаен и что в 60-е годы имя Бернса не было у нас пустым звуком, доказывается знакомством с ним других литературных деятелей той же эпохи.

В предисловии к «Кобзарю», которое увидел свет лишь в 1906 г. в журнале «Былое» (кн. VIII), Шевченко замечает: «А Борнц все-таки поэт народный и великий». Написание «Борнц»

¹ «Минувшие годы», 1908, сентябрь, стр. 149—151.

² См. М. Михайлов, Стихотворения, Библиотека поэта, Малая серия № 46. Вступительн. статья, редакция и примечания Н. Ашуккина, Сов. писатель, 1937. Сюда вошли след. переводы: «Джону Андерсону», «К полевой мыши, разоренной мной плугом», «К срезанной плугом маргаритке», «Пахарь», «Джон Ячменное Зерно».

свидетельствует, что Шевченко знал имя Бернса по слуху; впрочем, ему могли быть известны статьи о Бернсе в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и стихотворные переводы Козлова.

Характеристика Бернса как народного и великого поэта в устах Т. Шевченко приобретает для нас исключительный интерес и значение тем более, что за последние годы не раз имела место попытка фальсифицировать социальный облик шотландского поэта.

Шестидесятые годы дают двух других переводчиков Бернса — В. Костомарова и П. Вейнберга.

О качестве переводов Костомарова можно судить, например, по такому факту. Широко известное стихотворение «Честная бедность», полное ненависти к буржуазной цивилизации, к сословному обществу социальной несправедливости и зла, в переводе В. Костомарова (1868) содержит, например, такие строки, фальсифицирующие самый смысл стихотворения и свидетельствующие о стремлении переводчика «приспособить» стихи Бернса для своих классовых целей:

Молитесь все, чтоб бог послал
Нам царствие его...
Чтоб честный труд на свете стал
Почетнее всего.

Соответствующее место в переводе нашего современника С. Маршака (1938) звучит совершенно иначе:

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

Очень любил Бернса И. С. Тургенев, несомненно хорошо знавший его стихи в подлиннике (а также ранее существовавшие русские стихотворные переводы), проявлявший глубокий интерес к поэтам, чей талант был взращен непосредственно народной поэзией. В письме на имя Некрасова от 15 октября 1854 г. из Спасского Тургенев, говоря о книге Берга «Песни разных народов», замечает: «Было время, что я с ума сходил от народных песен и у меня есть различные переводы сербских, мадьярских, финских и других песен. Это предприятие Берга очень полезно и хорошо, вот где быют родники истинной поэзии. Я тебе благодарен за мысль выслать мне эту книгу».³

В 1857 г. Некрасов посылал томик Бернса Тургеневу.⁴ Три года спустя Тургенев собирался написать специальную статью «Бернс и Кольцов», она была анонсирована в апрельской книжке «Русского слова» за 1860 г. Однако написана эта статья не была,⁵ может быть, потому, что в «Свистке» «Современника»,⁶ накануне разрыва Тургенева с этим журналом, Н. А. Добролюбов ядовито высмеял

¹ А. Н. Пыпин, «Н. А. Некрасов», СПб. 1905, стр. 124.

² Там же, стр. 187.

³ См. Тургенев и круг «Современника», Академия, М.-Л. 1930, стр. 160—161.

⁴ «Современник» № 11 за 1860 г., «Свисток», стр. 4, «Два графа».

«будущую знаменитую статью г. Тургенева «Бернс и Кольцов», скрывающуюся «в тумане более или менее отдаленного грядущего»»¹ употребив в виде эпиграфа афоризм Козьмы Пруткина: «Ищи паче в разнообразии единства, нежели в единообразии разделения».

Интересно также и прямое высказывание Тургенева о Бернсе, какое мы находим в переписке писателя с английским критиком Вильямом Рольстоном (W. R. S. Ralston). Когда этот критик в своей статье о Кольцове² сравнил его с шотландским поэтом, Тургенев писал Рольстону: «Кольцов был истинным народным поэтом — настоящим поэтом своего века. Может быть слишком много чести сравнивать его с Бернсом — по иному пылким и одаренным, но все же между ними очень много общего».³

О прекрасном знакомстве Тургенева с Бернсом свидетельствуют его письма; в них нередко встречаются цитаты из Бернса и ссылки на него. Так например, в письме от 5 декабря 1870 г. к Полинне Вязьмо, проникнутом особенно глубоким чувством и дружью, он напоминает ей стихотворение Бернса «Джон Андерсон».⁴ Цитаты из Бернса попадают и в других письмах Тургенева.

Некоторое оживление интереса к Бернсу проявляется у нас в 90-е годы. В журналах и сборниках печатаются отдельные переводы Н. Новича,⁵ крайне слабые стихотворные переводы О. Чюмина,⁶ более удавшиеся, но также не стоящие на большой высоте переводы А. М. Федорова.⁷

Столетие со дня смерти Р. Бернса (1896) повысило интерес читателей к творчеству поэта. Статьи о нем и переводы его стихотворений появляются в ряде журналов: «Русском богатстве»,⁸ «Русской мысли»,⁹ «Образовании»,¹⁰ «Мире божьем»,¹¹ «Всемирной иллюстрации»,¹² и др.

На протяжении последующих лет появляются новые переводы из Бернса, возникает, наконец, и мысль об издании уже сборника его стихотворений. Первый сборник выходит из печати в издательстве Клокина в 1897 г.; здесь перепечатаны почти все переводы Михайлова, отдельные переводы П. Вейнберга, В. Костомарова и др.

Вслед за этим сборником в 1904 г. выходит второй в издании суворинской «Дешевой библиотеки»¹³ под редакцией Ив. Белоусова.

¹ Fortnightly Review, 1886, № 6.

² Сб. «Недра», т. III, М. 1924, стр. 180.

³ Русская Мысль, 1912, № 1, стр. 116.

⁴ Оловский вестник, 1894, № 24—25. (Н. Нович — псевдоним Н. Н. Бахтина.)

⁵ Мир божий, 1896, № 7, стр. 41, 117—118; № 9, стр. 22.

⁶ А. М. Федоров, Стихотворения, СПб. 1898 (печатавшиеся ранее в «Вестнике Европы», 1896, VII).

⁷ Русское богатство, 1896, IX, X.

⁸ Русская мысль, 1896, VII, VIII.

⁹ Образование, 1896, VII, VIII.

¹⁰ Мир божий, 1896, VII.

¹¹ Всемирная иллюстрация, 1896, т. II, № 11.

¹² Вестник Европы, 1896, VII.

¹³ Роберт Бернс и его произведения в пер. русских писателей под ред. И. А. Белоусова, «Дешевая библиотека» изд. Суворина, СПб. 1904.

Если учесть, что сборник вышел в годы общественного подъема, связанного с нарождением революции 1905 г., в годы значительно возросшего интереса к социальной тематике, можно было бы ожидать, что в сборник вошло многое из стихотворений Бернса, насыщенных мотивами протеста. В действительности этого не случилось. Может быть, единственным отступлением в этом смысле явилось то обстоятельство, что открывается сборник стихотворением «Прежде всего» («Fog a' That, Fog a' That») в переводе Костомарова, которое содержит и такие строки:

Пусть черствый хлеб — весь твой обед,
Из псковни кафтан,
Другой и в бархат разодеет,
А плут прежде всего,
Прежде всего, прежде всего
Ведь титул — глупый звон,
Бедняк, будь только чистен он, —
Король прежде всего!

Составитель сборника — И. Белоусов выполнил свою задачу поверхностно, включив наряду с переводами 60-х годов (Михайлов, Курочкин, Костомаров) более поздние переводы — О. Чюминой, А. Федорова, Н. Новича, Д. Свиязжского (Мингаева) и др. Отсутствует историко-литературный комментарий. Наконец, многие переводы сборника значительно искажают содержание песен народного поэта Шотландии.¹

Каково вообще качество переводов сборника под ред. И. А. Белоусова?

Мы уже отметили выше искажение в переводе В. Костомарова, характерного для поэта духа социальной непримиримости. Становится непонятным, как мог Бернс быть создателем «Молитвы святого Вилли», «Тэм'а», «Благочестивой ярмарки» и др. произведений, если в стихах его (переводы О. Чюминой, В. Костомарова и др.) буквально пестрят такие строки:

Мир божий мне кажется чудно приволен.

(«Довольство судьбой», пер. О. Чюминой.)

Помолимся, да в жазненных путях

Нас божий перст повсюду руководит!

Кто ищет господя, всегда его находит.

(«Субботный вечер поселения», пер. В. Костомарова.)

Сильно нарушено своеобразие ритмического строя песен Бернса; переводчик пользуется широко популярными традиционными размерами русских поэтов — Кольцова, Некрасова, Некрасова, что само по себе уже следует признать ошибочным, искажающим стилистический облик шотландских песен.

¹ Характерно, что И. А. Белоусов включил в сборник стихи («Жизнь моя тяжела...»), не имевшие к Бернсу ни малейшего отношения.

Так, например, Д. Свияжский (Минаев) переводит Бернса «под Кольцова»:

Я спины никогда
Не согну ни пред кем,
Только мне то, нужна,
Спину гнешь ты зачем?

Здесь, несомненно, тот же размер, что и в «Хуторке»:

Не серписа, плыви
В свой рыбачий курень...

Явное подражание Некрасову чувствуется в стихотворении «Неровня» («Auld Rob Morris», пер. О. Чюмина):

Но не пара мы с ней: древним именем горд,
Старый Робин отец по рождению лорд.
Будь не графская дочь, а проста и бедна,
Улыбнулась бы мне, пожалела она...

Вспомним строки из «Опороднича»: «Знать любить не рука мужику вахлаку да боярскую дочь!»
В подлиннике у Бернса:

But oh! she's an heiress auld Robin's
And my daddie has naught but a cothouse
and yard
.... O had she but been of a lower
degree
I then might ha'e hoped she'd ha'e smiled
upon me!

Но, ах! Она — богатая наследница,
Робин — помещик, а у моего отца
ни кола, ни двора.
Если бы она была менее богатой, то я
мог бы надеяться на ее улыбку.

В сборник Белоусова вошел перевод М. Л. Михайлова «Джон Андерсон», являющийся, как нам кажется, лучшим из всех русских переводов этого стихотворения. Глубокий лиризм, мысль о нерушимости чувства привязанности и дружбы, переданы в переводе с большой силой.

Зато явно «не повезло» другому стихотворению Бернса, которому впоследствии подражал Беранже — «Веселый вдовец». Герой этого стихотворения, двадцать один год влачивший цепи брака, в шутовском тоне повествует о том, что сварливая его супруга наконец умерла. Он искренно не знает — где же находится теперь его жена, в раю ей не место, а в аду? Но, увидев сварливую подругу крестьянина, сам сатана в испуге покидает ад. Кончается стихотворение глубоким мысленным замечанием о том, что добродетельная женщина предпочитает изредка напоминать о себе: в звуках грома иной раз слышится ее не то чтобы очень спокойный и приветливый голос.

Переводчица О. Чюмина довольно удачно передала содержание стихотворения:

В могиле прах похоронен
По милости господней;
А дух ее? Не нужен он
И чорту в преисподней.

Her body is bestowed well
A handsome grave does hide her,
But sure her soul is not in hell,
The de'il could ne'er abide her

Зато по каким-то соображениям переводчица нашла нужным до-
бавить в заключение от себя четыре строки, «помирив» супругов:

Когда ж грозе внимаю я,
Потрясшей стены дома,
Мне голос слышится ее
Среди раскатов грома.
Когда сгустятся облака
В темнеющей лазури —
Ее душа опять близка
Моей в порывах бури!

В целом же сборник неудачен уже потому, что Бернс переведен здесь как поэт сентименталист, автор, который готов примириться с окружающей его действительностью, не протестует против нее.

С первых же дней революции интерес к Бернсу снова заметно возрастает. Редакция журнала «К солнцу»² публикует заметку о Бернсе и несколько переводов его стихов, сделанных Л. Андрусо-
ном. Здесь же анонсирован выпуск сборника избранных песен Р. Бернса «в переводах известных русских поэтов», что, к сожалению, осуществиться не удалось.

Поэзия Бернса привлекает к себе внимание талантливого советского поэта Эдуарда Багрицкого, давшего интересный и своеобразный перевод, хотя и резко отличающийся от подстрочного, двух стихотворений Бернса: «Джон Ячменное Зерно» и «Веселые ни-
щие».³

У Багрицкого мы найдем строки, не имеющиеся в подлиннике вообще. Таково, например, четверостишие:

Готовьте благородный сок!
Обольями скреплен
Боценок, сбитый из досок,
И в нем бунтует Джон.

В 1934 г. книжка стихов Бернса выходит в библиотеке «Огонь-
ка».⁴

¹ Неудачно переведено это стихотворение и Т. Л. Щепкиной-Куперник (1936). Стоит сравнить, например, следующие строки:

Надежно скрыла прах могила, Her body is bestowed well.
Над нею прочный мавзолей. A handsome grave does hide her.

В применении к крестьянской могиле слово «мавзолей» употреблено явно не-
удачно и не соответствует простому английскому «grave».

Еще пример:

Скорее там она — повыше I rather think she is aloft
Изображает в небе гром. And imitating thunder,
т. е. подражая грому.

² «К солнцу», 1918, № 1, стр. 5—6.

³ Эд. Багрицкий, Югозапад (стихи): ЗИФ, М.-Л. 1930, стр. 23—25.

⁴ Р. Бернс. Шотландские песни, Библиотека «Огонька», № 28 (799), М. 1934. Небрежность составления сборника видна, например, из того факта, что стихо-
творение «К полевой мыши» в переводе М. Л. Михайлова в оглавлении указано
как «перевод Минаева» и т. д.

Весьма своеобразный и, на наш взгляд, удачный перевод «Прощания Макферсона» найдем у Андрея Глобы¹ (1936), где, несмотря на формальные отступления от подлинника, удачно разрешено с чтение социальных и лирических мотивов.

В том же году Гослитиздат издал «Избранную лирику Роберта Бернса» в переводах Т. Л. Щепкиной-Куперник, с предисловием комментариями С. Р. Баух.² Сюда вошли переводы 74 стихотворений поэта, причем заново были переведены и крупные произведения Бернса: «Джон Ячменное Зерно», «Тэм О'Шентер», «Веселые нищие», «Субботний вечер поселения», и др.

Наконец, в самое последнее время в печати появился ряд новых переводов С. Маршак; часть их была опубликована в «Литературной газете», а позднее в «Молодой гвардии» № 4 за 1939 г.

Быше мы уже говорили о своеобразии и сложности понимания баллады Бернса «John Barleycorn» и вытекающих отсюда трудностях ее перевода.

Аллегорический смысл баллады очевиден, тем не менее разгадка авторского замысла, раскрытие вложенных в стихотворение чувств и мыслей не так то легки. Несомненно только, что баллада написана на конкретную тему народной действительности, на тему труда. Поэтому за аллегорическим изображением борьбы трех восточных царей с Джоном мы найдем здесь реалистическое, по существу, изображение сельскохозяйственных работ. Автор перевода обязан передать не только аллюризм стихотворения, но и дать систему образов, уясняющих смысл баллады, вскрывающих ее внутреннее идейное (а не только внешнее) содержание. Нельзя забывать и того, что баллада, возникшая на материале фольклора, использует ранее существовавший народный оригинал. Первым по времени стихотворным переводом баллады является перевод М. Л. Михайлова, опубликованный впервые в «Современнике» за 1856 г. и неоднократно перепечатывавшийся после того в ряде сборников и хрестоматий.⁴

Высоко ценя в Бернсе поэта-демократа, питая несомненное сочувствие к его творческой личности и судьбе, Михайлов сумел создать произведение, дававшее читателю отчетливое и во многом верное представление о творческом облике шотландского поэта.

Своеобразие стиля, элемент сказочности, подчеркнутая простота и в то же время торжественность рассказа, имеющиеся в подлиннике, нашли свое отражение и в переводе. Вся баллада подана в плане битвы трех восточных царей с неумирившим Джоном Ячменное Зерно:

Могилу вырыли сохой —
И был засыпан он

¹ Андрей Глоба, Запад, Гослитиздат, 1936, стр. 21.

² См. рецензию об этих переводах В. Александрова в «Литературном Обзоре» № 19 за 1936 г.

³ Литературная газета, 1938, № 45 («Честная бедность», «Робин», «Лучший парень», «Что делать девочке», «Застольная», «Тебе оной», «Джон Андерсон», «В горах мое сердце»).

⁴ См. например, сборник: В. Костомаров и Н. Берг, «Поэты всех времен и народов», М., 1862, стр. 42—43.

Сырой землею, и цари
Решили: «сгинут Джон!»
Пришла весна, тепла, ясна,
Снега с полей сошли...
Выруг Джон Ячменное Зерно
Выходит из земли.

Элемент сказочности, торжественности повествования, динамизм того повествования передали и в краткости формы и в характере языки баллады:

Когда-то сильных три царя
Царили заодно...

Образное изображение процессов крестьянского труда, реализм этого изображения в самой романтике сюжета, несмотря на отдельные отступления или даже шероховатости, переданы удачно:

Они пришли к нему с косой —
Снесли беднягу с ног
И привязали на возу,
Чтоб двинуться не мог.
На землю бросивши потом,
Жестоко стали бить;
Взметнули вверх высоко —
Хотели закружить.
Тут в яму он попал с водой
И угодил на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джон
Ячменное Зерно!»
Нет, мало! взяли из воды
И, на пол положи,
Возили так, что в нем едва
Держалась душа.
В жестоком пламени сожгли
И мозг его костей;
А сердце мельник раздал
Меж двух своих камней.

Мастерство изображения достигается здесь сознательной реалистичностью образов, языком, близким к разговорному строю народной речи — «держалась душа», «попробуй, выплыви-ка, Джон» и т. д. Удачно переведены четыре последние строки:

They wasted o'er a scorching flame
The marrow of his bones;
But a miller used him worst of all —
For he crushed him 'tween two stones,
Sожгли на палищем огне
Мозг его костей,
Но мельник причинил ему худший вред:
Ибо он раздавил его между двух камней.

т. е.

Вольность, которую допустил здесь М. Михайлов (мельник раздавил сердце Джона), вытекает из всего контекста стиха и поэтому может быть признана уместной. Тем более, что далее у Бернса говорится о «рови сердца, взятой у Джона»:

And they ha'e ta'en his very heart's blood
[и они взяли кровь его сердца].

Зато дальше у М. Михайлова — неудача. Строфа:

Ах, Джон Ячменное-Зерно,
Ты — чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя
Усада для сердец —

ничего общего не имеет с подлинным текстом Бернса, придает стиху окраску сентиментальности («чудо-молодец», «усада») (!). В подлиннике имеем:

John Barleycorn was a hero bold
Of noble enterprise;
For if you do but taste his blood
'T will make your courage rise.

Джон Ячменное Зерно был храбрым
героем,
Благородно смелым.
Попробуй вкусить его крови,
И смелость твоя возрастет.

Ни смысловое, ни эмоциональное содержание подлинника эта строфа перевода таким образом не передает. Не оправданы и субституты последующей строфы:

Как раз заснет змея-печаль,
Все будет трын-трава...

Такие выражения, как «змея-печаль», «трын-трава» и т. п. русские произвольно употреблены переводчиком и резко видоизменяют авторский стиль Бернса. Соответствующие строки у Бернса лишены подобных выражений, значительно проще и сильнее:

'T will make a man forget his woe.
'T will heighten all his joy...
Человек забудет свою скорбь.
Усилится его радость...

Наконец, и финал баллады отступает от подлинника, где высказано пожелание, чтобы никогда не переводилось в Шотландии по томство Джона:

Then let us toast John Barleycorn,
Each man a glass in hand;
And may his great posterity
Ne'er fail in old Scotland.

Провозгласим же тост за Джона,
Каждый — со стаканом в руке,
И пусть его великое потомство
Никогда не ослабеет (не переведется)
в старой Шотландии.

М. Л. Михайлов отбросил самое имя Шотландии:

Гласьте ж хором: „Пусть во век
Не сохнет в кружках дно,
И век поит нас кровью Джон
Ячменное Зерно“.

Даже лучший из дореволюционных переводов — М. Л. Михайлова, как видим, только отчасти напоминает балладу Бернса. Зато к числу его бесспорных достоинств следует отнести мастерство реалистического изображения, строгую сдержанность красок, подчёрнутую простоту мысли, столь характерную для подлинника, наконец, перевод Михайлова в общем удачно передает ритмику и звучание бернсовского стиха.

Первое, что бросается в глаза при чтении перевода этой же баллады, принадлежащего А. М. Федорову,¹ — значительные нарушения формальной структуры подлинника. Так, в двух случаях четверостишия Бернса (четвертое и последнее) он произвольно удлиняет, добавляя несколько строк от себя и нарушая строгий характер структуры стихотворения.

Кроме того, весьма значительны и отступления чисто смысловые, за счет обеднения образности строфы. Характерны в этом смысле следующие строки:

The sober autumn enter'd mild
When he grew wan and pale,
His bending joints and drooping head
Show'd he began to fail.

Подшла спокойная, мягкая осень,
Когда он ослаб и побледнел,
Его согбенные суставы и поникшая
голова
Показывали, что он начал гибнуть.

Но осень мирная пришла,
Он, зрелый, стал бледнеть,
Ослаб, согнулся, изнемог...
Ну, просто жаль посмотреть!

Яркою сильную строку:

They've ta'en a weapon long and sharp
And cut him by the knee

(Они взяли оружие — острое и длинное
И подрезали колени Джона).

Федоров сильно изменил:

Оружьем пагубным они
Скосили гибкий стан.

В другом месте автор перевода вводит произвольно повторение, отсутствующее в подлиннике:

Тем толще он, тем крепче он,
Тем больше он могуч...

У Бернса: «And he grew thick and strong...»
Нарушено в переводе и авторское настроение — Бернс не шутит здесь, а Федоров использует словарь веселой и легкой шутки, дружеского разговора за стаканом:

Then let us toast John Barleycorn
Each man a glass in hand!
(Провозгласим же тост за
Джона Ячменное Зерно
Каждый со стаканом в руке!)

„Так выпить нам, друзья, под звон
Стаканов не грешно...“

В другом месте:

'T will make the widow's heart to sing
„И сердце вдовушки сквозь слез
Запеть заставит вслух“.

¹ „Вестник Европы“, 1896, книга 7, стр. 287—288; А. М. Федоров, „Из Бернса“.

Переводчик попытался сохранить самый образ автора, однако, слово «вдовушка» несколько искажает настроение, созданное всем предшествующим строем баллады. Федорову удалось местами дать несколько удачных выражений и образов, более или менее точно передающих подлинник «На землю дождь упал» (And showers began to fall)

или:
 «И как мошеника сгребли
 В телегу под аркан»
 (They tied him fast upon a cart
 Like a rogue for forgerie).

Но большое количество отступлений от авторского текста, обилие глагольных рифм, неумение передать моменты звучания баллады резко снижают качество перевода.

Не удовлетворяет несколько, по другим причинам, перевод того же стихотворения, сделанный К. Д. Бальмонтом.¹ Строгие краски бернсовского рисунка, реализм изображения здесь подменены надушной вычурностью, словесной мишурой, напыщенной «музыкай слов». Типично в этом смысле такое, например, искажение подлинника: строку баллады

And showers began to fall

К. Д. Бальмонт «украсил» сравнением в своем стиле:

И дождь звенел как смех...

Из того же арсенала взят и такой образ, как «чара», из которой льют кровь Джона; такие пожелания, как «славыся, Джон» и другие славянизмы. Переводчик усложнил, «украсил» подлинник, а вместе с тем неузнаваемо искажил его. В других случаях Бальмонт обедняет подлинник или дает довольно трудно словесную и звуковую конструкцию.

Так, строка:

They've ta'en a weapon long and sharp
 (Взяв острое и длинное оружие)

превратилась у Бальмонта в стихи:

«Взяв нечто с длинным острием...»

Правда, и Бальмонт пытался передать в какой-то мере близость баллады к строю народной речи, но сделал это довольно неудачно («Свежий дух»... «Чтоб не забыл кто» и т. д.).

Бальмонт не разрешил задачи перевода прежде всего потому, что социально Бернс был ему далек.

Более поздний перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник значительно ближе к тексту в смысле точности его содержания, но и он не пе-

¹ См. «Образование», 1909, № 5, стр. 1—2.

редает всей образности подлинника, всей яркости его красок: перевод звучит бледнее, утрачена сочность бернсовского стиха.

Вспахали поле, глубоко
 Зарыт был в землю он,
 Но вот настала вновь весна,
 С теплом дожди пошли.

А ведь в подлиннике гораздо сильнее:

They took a plough and ploughed him down
 Put clods upon his head

Одно слово clods (глыбы, комки) уже придает особую окраску стиху. И далее:

But cheerful spring came kindly on
 And showers began to fall

Одна лишь первая строка содержит две краски cheerful (веселая весна) и kindly (приветливо), потерянных при переводе на русский!

Забвенье горю даст она,
 Удвоит радость в нас,
 Заставит, не смахнув слезы,
 Влону пуститься в пляс.

В подлиннике дан более выразительный и яркий образ:

'T will make the widow's heart to sing
 (Заставит петь сердце вдовы).

В целом, и этот более точный перевод — все же только копия с оригинала, который следует читать в подлиннике, чтобы оценить все его достоинства, все его своеобразие.

Среди переводов Т. Л. Щепкиной-Куперник есть немало весьма удачных. К ним мы относим: «Мне слишком рано замуж», «Привет поэта своему незаконному ребенку», «Цветущая Нэлли», «К полевой мышке», «На берегах Ди», «Хозяйшке Уочеп Хауза», «Молитва св. Вилли», «Веселые нищие» и «Две собаки».

Здесь следует отметить и значительную точность перевода и умение сохранить при переводе специфический юмор Бернса, его жизнерадостность, резкость его выражений, когда речь идет о людях ему враждебных, его лиризм и теплоту, когда он говорит о природе, о дружбе, о любви.

Однако все это, даже соединенное с новыми переводами С. Я. Маршак, не составляет и десятой доли поэтического наследия народного шотландского поэта. Русский читатель знаком с Бернсом преимущественно как с автором «Джона Ячменное Зерно», «Субботнего вечера поселения», «К полевой мышке»; слов нет, это достаточно характерно для творчества Бернса, однако, произведения эти раскрывают лишь какую-то одну сторону его сложного поэтического облика. Редко кто знает Бернса — автора «Tree of Liberty» («Древо свободы»), «The Holly Fair» («Благочестивая ярмарка»), «Twa Herds» («Два пастыря»), «Macpherson's Farewell» («Проз-

щение Макферсона») и большого количества изумительных по силе эмоционального впечатления лирических стихотворений и песен.

Нам нужны хорошие переводы Бернса. Советский читатель имеет достаточно хорошую возможность ознакомиться с английским романом (за ново переизданы на русском языке Диккенс, Фильдинг, Смоллет и др.), но с переводами английских поэтов дело обстоит значительно хуже.

Однако мы имеем сейчас все возможности к тому, чтобы познакомить читателя с творчеством народного поэта Шотландии — одного из любимых поэтов Маркса, объединив лучшие пореволюционные переводы Щепкиной-Куперник, Маршак, заново переведя многие неизвестные русскому читателю стихотворения и баллады Бернса. Подобное издание должно, на наш взгляд, включить и лучшие дореволюционные переводы М. Л. Михайлова, В. С. Курочкина и др., не утрачившие доныне своего значения и представляющие несомненный историко-литературный интерес.

Надо пожелать, чтобы переводами из Бернса заинтересовались лучшие советские поэты, тогда мы получим то, что сможет удовлетворить нашего читателя, что введет в обиход советской культуры на полных правах и замечательные песни Роберта Бернса.

ПЕРЕВОДЫ ИЗ БЕРНСА

Ниже мы приводим несколько собственных сильных переводов из Бернса. Мы руководствовались при этом теми соображениями, что новые повторные опыты перевода классических произведений западноевропейской поэзии никогда не являются лишними, поскольку они всегда дают лишь более или менее удачное приближение к подлиннику, но никогда не смогут заменить его в полной мере. Не нам судить, насколько удачно осуществлено это приближение в предлагаемых ниже переводах, которые мы пытались передать по возможности точно. Переводы сделаны по следующим изданиям Бернса:

1) Burns, Robert, *Life and Works*, Ed. by R. Chambers and revised by W. Wallace, 4 vols, 1896.

2) *The Poetical Works of Rob. Burns*, Ed. by Charles Kent, London and New-York (s. a.)

1. Джон Ячменное Зерно (John Barleycorn. A Ballad)

Раз на Востоке три царя
Решили заодно:

Пусть смерти будет предан Джон
Ячменное Зерно!

Взяв плуг, по полюсе прошлись,
И в землю брошен Джон...

Торжественно цари клялись
Теперь, что умер он.

Шумит вода... В потоке гроз
Весна пришла затем...

Джон не погиб, — в земле пророс
На удивленье всем.

В июле — солнца жаркий луч
Согрел со всех сторон;
Усат и строен и колоч,
Джон стал теперь силен.
Но кроткой осени едва
Пришел законный срок,
Склонилась Джона голова,
Джон тяжело занемог.

И блекнет он и, утомлен,
Согнулся, пожелтев...

Теперь узнаешь, юный Джон,
Врагов смертельный гнев!
Мечом взмахнули короли:

В плену ты с этих пор!

Веревкой связан, и в пыли,

Джон на возу, как вор.

Он сброшен наземь и цепом
Его жестоко бьют;

Рвал ветра шквал его потом,

Как только вора рвут.

В могилу темную с водой

Его легко столкнуть:

Решай же перед смертью, Джон,

Поплыть или утонуть!

И вот он вынут, утомлен,

Но жив еще... Ах, так?!
Все вместе и со всех сторон

Швыряли так и смя.

Огонь жестокий сжег сперва

Весь мозг его костей,

И в ход пустили жернова,

И сердце — меж камней!

Есть сердца кровь на пир врагам,

Бери ее — и пей!

И кружка ходит по рукам

Все чаще, все бодрей.

Был дерзок Джон — и кто его

Кровь без раздумья пьет,

В том сердце вспыхнет вдруг огнем,

Отвага возрастет,

Тот скорбь забудет навсегда,

И стоит кружку взять —

Пойдет печальная вдова

И петь и танцевать.

Друзья! Стаканы заодно:

Шотландии оплот —

Пусть Джон Ячменное Зерно

Вовеки не умрет!

Написано в период 1777—1784 гг. (Lochlea).

2. Робин

(Rantín' Rovín' Robín)

Наш парень в Кайле¹ был рожден,
Ни день, ни час не сохранен,
Когда вздохнул впервые он...
Что в том, коль то был Робин!

Припев: Робин был веселый малый,
Славный малый, крепкий малый,
Робин был веселый малый,
Славным парнем был!

Одно отметил календарь:
Царит такой-то государь.
И в дом сердито дул январь,
Когда родился Робин.

Кума, мальчишки взяв кулак,
Соседям говорила так:
Наш парень будет не дурак,
Зовите парня — Робин!

Ему немало предстоит
Беды, несчастья и обид,
Но парень будет знаменит,
И нас прославит Робин.

Скучать с таким нельзя, о нет!
Соседок с самых ранних лет
Полобит пылкий наш сосед —
Веселый малый Робин!

Девчонок в ночь пустить одних...
О, Робин наш не из таких!
Зато пороков тьму других
Не будет ведать Робин!

Припев: Робин был

Написано Берисом между 1781—1786 гг. в период пребывания поэта в Mossiel.

3. Джон Андерсон, мой друг

(John Anderson, My Jo)

Джон Андерсон, мой милый Джон,
Как ты меня любил,
Ты черен словно ворон был,
И вот ты лыс, мой Джон!

¹ Один из округов Эйршира.

Седая бровь еще черна,
Ты снегом опушон,
Благословенна седина
Твоя, мой милый Джон!
Джон Андерсон, мой милый друг,
Ты не забыл о том,
Как шли, не размыкая рук,
Мы жизнь с тобой вдвоем.
Теперь мы под гору бредем,
Уж смерть недалека...
Дай руку мне, мой милый Джон,
И вот моя рука!

Написано в Эллисланде в 1789 г.

4. Веселый вдовец

(The Joyful Widower)

На бабе вздорной я женился
Четырнадцатого ноября,
Всю жизнь язык ее бранился,
Со мной добром не говоря.
Влачил я долго цепи брака,
Беда беду с собой влекла...
Что говорить — бывало всяко,
Да женка, к счастью, умерла.
Мы двадцать лет с ней жили вместе
Как муж с женой, да вот беда —
Ушла... Куда? Скажу по чести,
Не знаю сам, ушла куда.
Когда б проведаль я заране,
Что мне несет подобный брак,
Я б на любой женился дрянн,
Но на моей жене — никак!
Зарыли тело многогрешной,
А душу гроб не сохранил...
Сам чорт при встрече с ней поспешно
Из ада в страхе убежит.
Когда ж на небе полог черный,
И слышится сердитый гром,
Я знаю — это голос вздорный,
Который мне давно знаком.

5. Среди колосьев ячменя

(The Rigs O'Barley)

Был август. День уже погас.
Колосья ржи росли стеной...
Луна светила... В поздний час
Я к Энни путь направил свой.

Летело время без забот.
 Ночь в августе короче дня,
 Решила Энни от ворот
 Со мной пройти до ячменя.
 Созрела рожь, ячмень хорош
 Порою предосенней,
 Как не любить густую рожь,
 Такой ячмень и Энни!
 Луна вошла в колосья ржи,
 И ветерок ласкал меня,
 Когда мы сели у межи
 Среди колосьев ячменя.
 Любимой сердце я своим
 Назвать бы мог, ее ценя,
 Я целовал, любя, любим
 Среди колосьев ячменя.
 Я целовал лицо и грудь,
 И сердце полное огня,
 Благословенно, поле, будь
 Густых колосьев ячменя!
 Блеск звезд и рог луны блестит
 Над нами, песнь любви звеня...
 Как я, она благословит
 Поля колосьев ячменя!
 И раньше счастлив я бывал.
 Дарит веселье мне вино,
 Я раньше крепость дружбы знал
 И радость дум познал давно.
 Но счастье прежней жизни той,
 Хотя бы взятое втройне,
 Не стоит ночи и одной
 В цветущем ячмене!
 Созрела рожь, ячмень хорош
 Порою предосенней,
 И я люблю густую рожь,
 Такой ячмень и Энни!

Написано стихотворение было между 1777—1784 гг. в период пребывания поэта в Lochlea.

6. Когда бы вихрь промчался вдруг... (O, Wert Tho и In The Cauld Blast...)

Когда бы вихрь промчался вдруг
 На поле том, на поле том,
 Тебя согрел бы я, мой друг,
 Моим плащом, моим плащом.

Когда б несчастья шторм вокруг
 Над головой прошел твоей,
 Любил бы я, мой милый друг,
 Еще сильней, еще сильней.

И если только — даль пустынь,
 И только даль, и только зной —
 Я был бы счастлив, если б ты
 Была со мной, была со мной.

И если б шар земной моим
 Вдруг королевством стал потом —
 Алмазом самым дорогим
 Была б ты в нем, была б ты в нем.

7. Прощание Макферсона (Macpherson's Farewell)

Прощай, тюрьма, где мрак и тьма —
 Жилище бедняков!
 Пришла за мною смерть сама,
 Что ж — я всегда готов!
 Я смерть не звал, зубов оскал
 Я презирал не раз,
 Я раньше на нее плевал,
 Готов плевать сейчас.
 Прочь пути! Сердце бьет в груди...
 Меч дай немедля мой...
 Коль смел — так драться выходи
 С Макферсоном любой!
 Я мало жил, с бедой дружил,
 А выдан подлецом...
 Нет сил, а то бы отомстил
 Ему перед концом!
 Прощай, простор и солнце гор,
 И в небе облака...
 Да будет трусу жизнь в укор
 Теперь и на века!

Припев: Страшна петля, черна петля,
 И виселица ждет.
 Но гордо он на смерть идет,
 Танцует и поет!

Джеймс Макферсон, пират и бродяга горной Шотландии, человек необычайной физической силы и прекрасный музыкант, был брошен властями в тюрьму и приговорен к повешению в ноябре 1700 г. В тюрьме, накануне приведения приговора в исполнение, он сочинил, как говорят, песню и положил ее на музыку. Приведенный на место казни, он сыграл свою мелодию на

скрипке и затем, обратившись к толпе, спросил — нет ли среди нее друга, которому он мог бы подарить свою скрипку перед смертью? Никто не ответил. В бешенстве осужденный разломал скрипку, бросил остатки под ноги палачам, после чего и подчинился своей судьбе. «Кто кроме Бернса мог бы вложить в подобную душу такие слова!» — восторженно говорит Карлсфельд, имея в виду «Macpherson's Farewell» Бернса.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БИБЛИОГРАФИЯ.¹

1. Отдельные издания.

1. Роберт Бернс, Стихотворения в переводе русских поэтов, М. 1897, изд. Клюкина.
2. Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей. Под ред. И. Белоусова. СПб. 1904, изд. А. Суворина.
3. Роберт Бернс, Песни шотландских поселен, СПб. 1919, изд. Нонина.
4. Роберт Бернс, Шотландские песни, М. 1934, библиотека «Огонька» № 28, предисловие и примечания А. Д.
5. Роберт Бернс, Избранная лирика, перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник, редакция, предисловие и комментарий С. Бабух. М. 1936, Гослитиздат.

II. Переводы Р. Бернса в книгах отдельных поэтов.

1. Козлов И. И., Стихотворения, СПб. 1892, изд. Маркса, с. 148—155 («Сельский субботний вечер», «К полевой маргаритке»).
2. а) Михайлов М. Л., Сочинения, т. I, стр. 29—34, изд. Маркса (s. a.), «Джону Андерсону», «К полевое мыши», «К срезанной плугом маргаритке», «Пахарь», «Джон Ячменное Зерно», «Злая судьба»;
- б) М. Михайлов, Стихотворения, 1937, Советский писатель (библиотека поэта, малая серия, № 46). (Сюда вошли те же переводы).
3. Курочкин В. С., Сборник стихотворений, т. I (переводы), СПб. 1866, стр. 37 («Чем живу я...»).
4. Минаев Д., Песни и сатиры, СПб. 1878 («Две собаки»), стр. 94—103. («Видение», «Смерть», «Довольство судьбой», СПб. 1900, стр. 153—163. «Солнце и месяц», «На чужбине», «Избранники», «Красавица», «В грозу».
6. Федоров А. М., Стихотворения, СПб. 1898, стр. 171—178 («В Шотландии», «Джон Ячменное Зерно», «Джону Андерсону», «Отравок», «Добрые старые годы», «Памяти Мэри», «Когда бы вихрь тебя застиг», «Среди колосьев ячменя», «К горной маргаритке», «К мышке»).
7. Л. Андрусон, Сказка любви, СПб. 1908, стр. 137—141 («Бочонок шива Биль сварила...», «Все обнял черной ночи мрак...»).
8. Российский М. А., Стихотворения, М. 1913, стр. 28 («Я сердцем в Шотландии»).
9. Палей Вл., Стихотворения, Сборник 2-й, Петроград 1918, стр. 125 («Как я скрою сердца стона»).
10. Эд. Багрицкий, Югозала, М.-Л. 1930. Зиф, стр. 23 («Джон Ячменное Зерно»).
11. А. Глоба, Запад (песни), М. 1936 («Прощание Макферсона»), стр. 21; «Как могут берега песни», стр. 48.

¹ Приному искреннюю благодарность Н. Н. Бахтину и сотруднику Института Литературы Академии Наук СССР К. Д. Муратовой за оказанную мне помощь в составлении настоящей библиографии.

² Перевод А. М. Федорова «Субботный вечер в деревне» вышел также отдельным изданием — Одесса, 1896.

III. Переводы Р. Бернса в русских журналах.

1. В честь Томсона» «Ипокрена», 1800, ч. VII, стр. 15.
2. Субботний вечер в Шотландии», «К полевой маргаритке», нечаянно срезанной плугом», вольное порождение Роберту Борнсу Ивана Козлова.
3. Прощание», перевод П. Драгоманова, «Гирлянда», 1831, № 6, стр. 155.
4. Иван Ерофич Хлебное зернышко», «Библиотека для чтения», журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, т. XXIV, стр. 96—136, СПб. 1837.
5. К маргаритке», пер. 3, «Москвитин», 1844, № 4, стр. 241—242.
6. Джон Андерсон, сердечный друг», «Джон Ячменное Зерно», «Злая судьба», «К срезанной плугом маргаритке», «К полевой мыши», «Разоренной моим плугом, Пахарь, перевод М. Л. Михайлова, «Современник», 1856, т. 57, стр. 229—237.
7. Песня бедняка (Чем живу я — и сам не пойму), перевод В. Кучеркина, «Русский Вестник», 1857, т. 10, стр. 320.
8. Субботний вечер поселенца», перевод В. Д. Костомарова, «Современник», 1861, т. 88, стр. 391.
9. Веселые нищие» (кантата), перевод П. Вейнберга, «Отечественные записки», 1868, т. 5, стр. 325.
10. Лорд Грегори», перевод его же, «Отечественные записки», 1868, т. 6, отд. I.
11. Джон Андерсон», перевод П. Вейнберга, «Дело», 1869, т. I, стр. 188.
12. Две собаки», перевод Д. Минаева, «Дело», 1870, № 1, стр. 134.
13. На чердаке», перевод Д. Свияжского, «Дело», 1870, № 2, стр. 85.
14. Никому», «Прежде всего», перевод Козова, «Литературные вечера», 1873, стр. 379, 395.
15. Разговор», перевод М. Шелгунова, «Живописное обозрение», 1879, № 51, стр. 518.
16. Родина», перевод М. Шелгунова, «Дело», 1879, № 8, стр. 68.
17. Звезд и цвет», перевод Розентейма, «Звезда», 1886, № 12, с. 275.
18. Субботний вечер в Шотландии», перевод И. И. Козлова, «Семейная библиотека», 1891, № 16, стр. 44, или ежемесячные литературные приложения к «Ниве», 1892, № 3, стр. 148.
19. К полевой маргаритке», перевод И. И. Козлова, 1892, ежемесячные литер. прилож. к «Ниве», т. 3, стр. 211.
20. Робин», перевод Н. Новича, «Новое слово», 1894, № 12, стр. 192.
21. Никто не думал...», «О если б зяблы ты в степи», перевод Н. Новича, «Новое слово», 1895, № 5—6, стр. 198.
22. Видение», «Избранники», «Красавица», «Мольба», «Осенней тучей», «Смерть», «Солнце и месяц», перевод О. Чюминой, «Вестник Европы», 1896, № 7, стр. 351—356.
23. Воззвание Брюса к дружине», перевод Чюминой, «Мир божий», 1896, № 7, стр. 41, 117—118; «Довольство судьбой», «На чердаке», № 7.
24. Лорд Грегори», перевод О. Чюминой, «Мир божий», 1896, № 9, стр. 22.
25. Том О'Шантер», перевод О. Чюминой. Ежемесячное приложение к «Ниве», 1896, № 7, стр. 491.
26. В поле бродил я вечерней порой», «Джон Андерсон», «Джон Ячменное Зерно», «Добрые старые годы», «К горной маргаритке», «К мышке», «К Шотландии», «Мое сердце болит», «Памяти Мэри», «Среди колосьев ячменя», перевод А. М. Федорова, «Вестник Европы», 1896, № 7, стр. 287—290.
27. Жена дана мне одному», «Нет, Нанни со мной», перевод А. М. Федорова, «Живописное обозрение», 1896, № 31, стр. 78.
28. О, открой ты мне дверь», перевод А. Федорова, «Вестник иностранной литературы», 1897, № 7, стр. 38; № 11, стр. 92, «Гом Член», перевод О. Чюминой.

